

ОБ ОДНОМ ТИПЕ БЕЗЛИЧНЫХ ПЕРЦЕПТИВНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ РУССКОГО И ПОЛЬСКОГО ЯЗЫКОВ

Анализ субъектно-предикативно-объектных отношений в безличных предложениях русского и польского языков предопределил учет в их семантической структуре фигуры перцептора. Значение этого семантического компонента в безличных предложениях — особое, в связи со спецификой их структуры, т. е. с отсутствием подлежащего. Перцептор является облигатным семантическим компонентом предложений, описывающих сенсорные ощущения: зрительные, слуховые, обонятельные, осязательные, вкусовые, в которых он выполняет роль «регистора» определенных «перцептивных событий». Перцептор может в этих событиях занимать центральную позицию: когда экспонируется его участие в событии — как субъекта восприятия; или же — позицию периферийную, когда на первый план выдвигается само воспринимаемое явление или предмет. Данная статья посвящена анализу предложений первого типа.

Необходимость учета в семантических исследованиях, направленных на раскрытие языкового механизма восприятия ситуации, фигуры наблюдателя как одного из понятий, с максимальной выразительностью отражающего антропоцентричность языковой картины мира, доказывается многим лингвистами.

Каждый естественный язык отражает определенный способ восприятия мира. Значения, выражаемые в нем, образуют единую систему взглядов, «цельную коллективную философию», «навязываемую» всем носителям языка. Способ концептуализации действительности является в определенной степени универсальным, но в какой-то степени носит национальный характер, т. е. носители разных языков могут видеть мир несколько по-разному, через призму своих национальных языков¹.

Человек как в русской, так и в польской наивной картине мира представляется как существо весьма активное. Он способен выполнять физические, интеллектуальные и речевые действия, с одной

стороны, и, с другой, ему свойственны состояния восприятия, желания, знания, мнения, эмоции и т. п., а также определенные реакции на внешние или внутренние воздействия.

Различные виды деятельности, различные состояния и реакции управляют конкретной системой, локализованной в определенном органе. Функционирование почти каждой системы описывается семантическим примитивом и примитивами (если в системе выделяются подсистемы). Ю. Д. Апресян, характеризуя системы, из которых «построен» человек, в том числе наблюдатель (ср.: «некий возможный объект — лицо...»²; «одушевленный объект X; человек или иное одушевленное существо»³; «личный субъект восприятия»⁴ и др.) — к основным отнес следующие: физическое восприятие; физиологическое состояние; физиологические реакции на внешние и внутренние воздействия; физические действия и деятельность; желания; мышление; интеллектуальная деятельность; эмоции; речь⁵.

Восемь систем, «образующих» человека, иерархизованы по сложности: самая простая — восприятие, самая сложная — речь. Восприятие, объединяющее человека со всей остальной живой природой, характерно не только для человеческого организма. Им обладают также животные и даже растения, реагирующие на свет и температуру. В свою очередь, самая сложная система — речь — «разъединяет» человека со всей остальной природой, так как она характерна только для него.

Поскольку эта статья касается языковой интерпретации наблюдаемости и других типов восприятия (в частности, слухового) в рамках широко представленной в художественных произведениях «литературной перцептивности», т. е. условной наблюдаемости процессов (противопоставляемой «прототипической» — реальной, конкретной)⁶, то представляется целесообразным более подробное описание системы и «механизма» восприятия⁷.

Физическое восприятие (зрение, слух, обоняние, вкус, осязание) локализуется в соответствующих органах восприятия (глаза, уши, нос, язык, кожа); семантический примитив — ‘воспринимать’.

Восприятие является универсальной категорией человеческого сознания, и, следовательно, лексика, описывающая процесс восприятия, может претендовать на статус универсальной. Категоризация языковыми средствами феноменологического знания (т. е. извлеченного в результате непосредственного чувственного восприятия), составляющая содержательную сторону каждой познавательной деятельности первичного уровня, производится человеческим индивидом, познающим реальный мир⁸. Первичная ситуация восприятия включает двух основных участников: того, кто воспринимает, и то, что воспринимается. Поэтому, как замечает Ю. Д. Апресян, можно предсказать существование двух рядов глаголов (или других предикативных слов), которые называют состояние одного из двух указанных актантов ситуации восприятия: субъекта и объекта восприятия.

Субъект восприятия какого-то объекта, кроме пассивного восприятия, для того чтобы получить нужную информацию об окружающей действительности, может активно использовать органы восприятия. Поэтому возможна еще одна серия глаголов — типа *смотреть*⁹. В результате возникает «тернарная оппозиция смыслов»: ‘воспринимать’ — ‘восприниматься’ — ‘использовать способность восприятия’.

Пять подсистем восприятия (зрение, слух, обоняние, вкус, осязание), каждая из которых обслуживается тремя лексемами (если не принимать во внимание их синонимы), составляют семантическую парадигму восприятия, насчитывающую в итоге 15 лексем: видеть — быть видным (кому-либо) — смотреть, ср. польск. *widzieć* — *być widzianym (przez kogoś)* — *patrzeć*; слышать — быть слышным (кому-либо) — слушать, польск. *słyszeć* — *być słyszany (przez kogoś)* — *słuchać*; обонять — пахнуть — нюхать, польск. *czuć (odczuwać) zapach (woń)* — *pachnieć* — *wąchać*; ощущать вкус — быть на вкус — пробовать, польск. *odczuwać smak (doznania smakowe)* — *mieć jakiś smak (smakować, напр.: *ślono, kwaśno*)* — *smakować (próbować smak czegoś)*; осязать — быть на ощупь — ощупывать, польск. *odbierać wrażenia dotykowe* — *być w dotyku* — *dotykać*.

Все 15 «клеток», образующих «лексикографический тип восприятия», по выражению Ю. Д. Апресяна¹⁰, должны были бы в идеале заполняться глаголами, однако, как показано выше, это не получается ни в одном из двух языков. В польском языке ни одна подсистема не располагает тремя глагольными лексемами; а в русском языке — только система обоняния, и то с некоторыми стилистическими разграничениями: именно *обонять* книжно-письменное, а возможное *чуть* — явно просторечное. Для коррелята ‘восприниматься’ имеется только один стилистически нейтральный глагол *пахнуть*.

В семантической парадигме восприятия наряду с глаголами используются

свободные и несвободные словосочетания. Следует подчеркнуть, что для того чтобы построить соответствующую модель восприятия, нужно описать первичный уровень познавательной деятельности человека в его естественном, или очень близком к естественному, виде. Решение этой задачи осложнено, однако, многообразием комбинаций ощущений и знаний, а также их синтезом в ходе познавательной активности человека.

Входящие в состав системы восприятия пять подсистем, как указывают исследователи, можно упорядочить в зависимости от объема информации, поступающей через них в сознание человека. По этому фактору на первое место ставится зрение. За ним следует слух, затем — обоняние, вкус, осязание, хотя порядок трех последних подсистем не настолько прочен, нежели двух первых.

Подчеркивается, что такая иерархия для русской языковой картины мира вытекает из языковых данных: наиболее разнообразная и многочисленная лексика обслуживает подсистему зрение, так как именно «зрительная лексика» участвует в моделировании наибольшего числа коммуникативных ситуаций¹¹. В польском языке А. Пайдзиньска, анализируя чувственные впечатления как основу метафор, отмечает, что самой важной для человека (по частотности употребления в языке метафор) является система зрения, потом слух, осязание, а в конце этого ряда располагаются вкус и обоняние¹². Можно предполагать, что такой порядок распределения подсистем системы восприятия проистекает из антропоцентричности языка: человек среди других живых существ отличается наивысшей способностью различать зрительные и слуховые образы. В свою очередь, например, обоняние, довольно слабо развитое у человека (по сравнению, например, с обонянием собаки, способной различать до 300 тысяч запахов) представлено немногими лексемами.

Человеческие системы и подсистемы, с одной стороны, в различной степени автономны, и, с другой — в равной мере

взаимодействуют друг с другом. Автономность системы обусловлена степенью ее сложности: чем проще система, тем меньше число других систем, данными которых она пользуется, значит, тем выше ее автономность. Поэтому наиболее автономно восприятие. Чистое восприятие происходит практически вне зависимости от других систем, т. е. как бы само собой. Как указывает Ю. Д. Апресян, можно действительно воспринимать, т. е. *слушать, видеть* и т. п., находясь в данный момент в неподвижном состоянии, ничего не желая, не думая, не чувствуя и не говоря. Ситуация меняется в момент, когда субъект хочет что-то воспринять и силой своей воли приводит в соответствующее состояние определенный конкретный орган, например, *смотреть, слушать, нюхать, пробовать, щупать*, т. е. употребляется один из глаголов последней серии из уже упомянутой выше «тернарной оппозиции смыслов»: ‘воспринимать’ — ‘восприниматься’ — ‘использовать способность восприятия’, порожденного перцептивным событием, предполагающим субъект и объект восприятия.

В рамках «литературной перцептивности», т. е. в «неканонической коммуникативной ситуации», субъектом восприятия выступают преимущественно повествователь или персонаж, в отличие от «канонической ситуации» (диалога), где наблюдателем является, как правило, сам говорящий¹³.

В семантической структуре безличных перцептивных предложений русского и польского языков, которым, в частности одному их типу, посвящена данная статья, отражение фигуры наблюдателя обладает своей спецификой.

Синтаксическое своеобразие безличных конструкций, состоящее в исключении подлежащего из структуры предложения, приводит к «четкой противопоставленности субъектно-предикативно-объектных отношений и к резкой актуализации роли перцептора в содержании высказывания»¹⁴. Ю. А. Пупынин считает, что в семантической структуре выска-

звания роль перцептора можно даже трактовать как обязательный компонент в «денотативно-понятийном содержании события»¹⁵. Наблюдаемость событий, отражаемая в противоречивой семантической структуре безличных конструкций, реализуется как ее особый вариант, так как ощущения наблюдателя выступают здесь единственным путем проявления обозначаемых процессов и событий. Наблюдатель является своего рода регистратором положений дел, которые без его участия остались бы незафиксированными, а особенности передачи вариантов восприятия этих событий определяют в какой-то степени специфику субъектно-предикативно-объектных отношений.

Нужно помнить о том, что восприятие «полимодально», и определенные органы чувств не получают сигналов, замкнутых в пределах одного модуса восприятия (зрения, слуха, осязания и т. д.), а наоборот, «в обрабатываемом потоке информации на вход попадают отнюдь не изолированные сигналы»¹⁶. Поэтому, говоря об определенных типах перцептивных безличных предложений, указываются, как правило, только такие модусы восприятия, которые наиболее «ярко» отражают семантический предикат, не исключается, однако, «присутствие» в данном акте перцепции сигналов других модусов.

Как отмечается в литературе предмета, значение безличных предложений в основном выражает состояние человека (психическое и физическое) или состояние окружающей действительности. Рассмотрение реализации идеи наблюдателя в семантической структуре безличных предложений исключает первое из указанных значений из поля анализа. О наблюдаемости психических и физических состояний других, чем мы сами, организмов, можно говорить, на наш взгляд, только в таких случаях, когда данное состояние конкретного живого существа каким-то образом внешне проявляется. Мы имеем в виду, например, ситуации: *От боли лицо искривило гримасой //*

Twarz wykrzywiło z bólu. Предложения такого типа являются, однако, крайне редкими в общей массе безличных конструкций, описывающих состояние человека.

В свою очередь, предложения, фиксирующие состояние внешнего по отношению к перцептору пространства, широко распространены как в русском, так и в польском языках. В их семантической структуре субъект восприятия является обязательным компонентом. При этом информация об окружающей среде поступает к наблюдателю разными «каналами связями», в зависимости от участия в данном конкретном акте восприятия определенных органов, принадлежащих к одной или нескольким подсистемам (зрение, слух, обоняние, осязание, вкус) системы восприятия. Степень проявления наблюдателя в приведенных ниже типах безличных перцептивных предложениях неодинакова.

Визуальное (зрительное) восприятие отражают модели типа: «*Ночь темна, но видно всю деревню с ее белыми крышами и струйками дыма, идущими из труб, деревья, посеребренные инеем, сугробы*» (Чехов, V, Ванька, с. 479); ср. польск.: «*Skworców szybko poszedł do stołowego. Stamtąd przez okna wychodzące na podwórze widać było szopę na drzewo i wszystko, co się tam działo*» (Czechow, V, Żebrak, s. 25). В таких и подобных им предложениях, предикат непосредственно называет акт зрительного восприятия.

В конструкциях типа: «Яков целый день играл на скрипке; когда же совсем **стемнело**, взял книжку, в которую каждый день записывал свои убытки, и от скуки стал подводить годовой итог» (Чехов, VIII, Скрипка Ротшильда, с. 298), ср. польск. «*Ściemniło się zupełnie i ulica pomalu opustoszała*» (Czechow, IV, Moje Życie, s. 115)., а также в предложениях с предикативными наречиями: «В прихожей поминутно **делалось светло**, как днем» (Бунин, Суходол, с. 204), ср. польск. «*W kortarzu było ciemno i w każdym kacie czaiło się coś tajemniczego. Waksin odwrócił się twarzą do framugi, ale natych-*

miast wydało mu się, że coś lekko szarpnęło go z tyłu za koszulę i dotknął ramienia» (Czechow, Nerwy, III, с. 78) называются «световые» процессы, связанные чаще всего с изменениям дня и ночи, происходящие в окружающем наблюдателя пространстве, фиксация которых требует от него присутствия в данном пространстве.

«Звуковые» явления, в свою очередь, регистрируются наблюдателем благодаря слуховой рецепторам. Данный тип восприятия отражается в семантической структуре следующих типов безличных предложений: «На дворе было **тихо**: деревня по ту сторону пруда уже спала, не было видно ни одного огонька, и только на пруде едва светились бледные отражения звезд» (Чехов, IX, Дом с мезонином, с. 187), ср. польск. «*Obłoki wisiały nieruchomo, jak gdyby zaczęły się o wierzchołki staruch wysokich soseń. **Było cicho i duszno***» (Czechow, IV, Nieszczęście, s. 267); «*Вдруг **ширкнуло** невысоко — раз, два, — шесть раз, и глухо впереди громынуло шесть разрывов*» (А. Толстой, Хождение по мукам, с. 107) ср. польск. «*Nagle **zaświstało niewysoko — raz, dwa — sześć razy i na przedzie głucho rozległo się sześć wybuchów***» (А. Толстой, Droga przez mękę, I, s. 127); «*Ветер со свистом понесся по степи, беспорядочно закружился и поднял с травой такой шум, что из-за него **не было слышно** ни грома, ни скрипа колес*» (Чехов, VII, Степь, с. 85), ср. польск. «*Obok pijących przechodzi z szaflikiem pomyj kucharka Feona. **Słychać** plusk pomyj i skowyt oblanego psa. Zastygła twarz Pimfowa krzywi się jeszcze bardziej; jak patrzeć, jak rozplynie się z gorąca i zacznie kapać na kamizelkę*» (Czechow, Myśliciel, III, s. 120).

Предложения, характеризующие среду по естественно-природному признаку, совмещают сигналы разных модусов: **Было тихо, тепло, сыро и темно**. Земля, поднимаясь к горизонту, где еще тлел красноватый слабый свет, была черна, как пропасть (Бунин, Деревня, с. 53). *Była to ostatnia deska ratunku. Nie otrzymałszy odpowiedzi — wyszła. Było **wietrzno i rześko**. Nie czuła ani wiatru, ani*

ciemności, szła, szła...» (Czechow, IV, Nieszczęście, s. 282).

Обонятельные «способности» наблюдателя отражаются в предложениях типа: *В березах и траве зашуршал крупный дождь; ветер тотчас же стих и **запахло** мокрой землей и тополом* (Чехов, VIII, Соседи, с. 59) // *W brzoźach i trawie **zaszeleściły** duże krople deszczu; wiatr **ucichł**, natychmiast **zapachniało** mokrą ziemią i topolami* (Czechow, Sąsiedzi, VII, s. 391).

Перечисленные выше примеры являются репрезентантами отдельных типов безличных предложений, принадлежащих к двум крупным классам: глагольному и именному. Так, на основании классификационного признака 'принадлежности к части речи' предложения с предикатами *слышно, видно*, обозначая отличные типы восприятия, вместе с моделями *жарко, темно* входят в состав класса именных безличных предложений. Однако этот тип предложений в связи с особым характером предиката вычленяется, по нашему мнению, не только из состава предложений с предикативами, как тот, который в наивысшей степени реализует концепт наблюдателя, что мы попытаемся доказать в ходе более подробного описания данного типа.

Безличные предикаты восприятия — обнаружения составляют в обоих языках довольно небольшую, замкнутую группу: *слышно, видно, заметно, заметно* // польск. *widzieć, słyszeć* и др. При этом грамматическая интерпретация польских форм нуждается в некоторых объяснениях. Отнесение формальных инфинитивов к группе именных выражений является результатом анализа их функционирования в языке, свидетельствующим об их уходе из класса глаголов. О невербальном характере этих формальных инфинитивов высказывался С. Йодловски и другие польские лингвисты. Так, например, Т. Браерски пишет: «с давних пор наречиями стали инфинитивы: *widzieć, słyszeć, [...]*¹⁷. В качестве доказательств именного характера анализируемых форм приводятся: а) допустимость связ-

ки, характерной для предикативного наречия: (jest) widać // było widać // będzie widać; (jest) ciemno // było ciemno // będzie ciemno. Например: Na oko widać, że napęd kamery jest sprężynowy; Widać było, że był jej rad; Z niecierpliwością czekamy porannej wachty, na której będzie ją już widać; б) абсолютная утрата спряжения; в) выполняемая роль (единственно возможная) — предикат состояния. Несмотря на вышеуказанные обоснования отнесения слов *widać*, *słyszać* к предикативам, в некоторых польских лингвистических исследованиях они квалифицируются как глагольные формы.

Предикативы, о которых идет речь, выражают такой тип восприятия, который требует своего насыщения определенным предметным содержанием, так как это содержание обязательно предполагает обращенность на какой-либо предмет. В связи с этим без обязательно-именного распространителя лексико-семантическое содержание данных безличных предикатов не реализуется. Именным компонентом для утвердительных предложений является аккумулятив, для отрицательных — генитив. Например: *Одна старуха вела мальчика в большой шапке и в больших сапогах; мальчик изнемог от жары и тяжелых сапог, которые не давали его ногам сгибаться в коленях, но все же изо всей силы, не переставая, дул в игрушечную трубу; уже спустились вниз и повернули на улицу, а трубу все еще было слышно* (Чехов, X, В овраге, с. 162); *В передней не слышно было голосов, ни шагов, и весь дом казался спавшим, несмотря на яркое освещение* (Чехов, VI, Враги, с. 37); *В открытую дверь было видно и улицу, тихую, пустынную, и самую луну, которая плыла по небу* (Чехов, IX, Мужики, с. 300); *Вьюга не стихла и утром. В серой несущейся муте не было видно ни Дурновки, ни мельницы на Мысу* (Бунин, Деревня, с. 154). Ср. польск. *Z różnych stron słyszać było świsty, underzenia pocisków i granatów padających w mieście, ale huk i te nie zwracały uwagi mieszkańców, jako prawie niedoszłalne w porów-*

naniu ze strzelaniną dochodzącą sproza miasta (L. Tolstoj, Wojna i pokój, III, s. 127). *Z przedpokoju nie było słyszać żadnych głosów ani kroków i mimo jaskrawego światła cały dom wyglądał jak pogrążony we śnie* (Czechow, V, Wrogowie, s. 37). *Dalej, za czarnymi drzewami, widać było błyszczący od rosy dach, na prawo duże kędzierzawe drzewo z olśniewającą białym pniem i sękami, a ponad nim księżyc niemal w pełni na jasnym, prawie. Obziewiezdnym wiosennym niebie* (L. Tolstoj, Wojna i pokój, II, s. 166). *Pijatyka, chociaż hałaśliwa, była smętna i melancholijna. Nie widać było ani twarzy roześmianych, ani gestów radosnych, nie słyszać śmiechu ani wesolego gwaru. Wyglądało to raczej na stypę* (Czechow, II, Cała prawda, s. 268).

В зависимости от наполнения аккумулятива именем с предметным или признаковым значением конструкция эта может выражать либо обнаружение явления, либо обнаружение признака и соответственно становится выразителем двух семантических типов: ситуационного и квалификативного¹⁸.

В ситуационных предложениях выражается обнаружение какого-либо явления как признака ситуации или фрагмента бытия. Предикаты *widno*, *słyszno*, *zаметно*, *приметно*, польск. *widać*, *słyszać* и т. п. употребляются в этих предложениях в прямом смысле и выражают предикат восприятия. Обязательный именной компонент в форме аккумулятива является выразителем объекта восприятия, который может быть эксплицитным или имплицитным (ср. *Отсюда хорошо слышно <музыку на соседней улице>* // *Dobrze stąd słyszać <muzykę na sąsiedniej ulicy>*) и называет различные явления и предметы внешней действительности, которые обнаруживаются зрительным или слуховым восприятием.

Поскольку названные в аккумулятиве предметы и явления воспринимаются и обнаруживаются субъектом, то в семантическую структуру предложений должен входить субъект восприятия — наблюдатель. В русском языке субъект

восприятия может быть эксплицитным и имплицитным: *(Нам) отсюда хорошо видно дорогу*, так как *видно, слышно, заметно* и др. открывают позицию для субъекта в дательном падеже. В польском языке субъект восприятия никогда не является эксплицитным (в указанном смысле), так как *widać, słyszać* никогда не открывают субъектной позиции. На наш взгляд, однако, в рассматриваемых предложениях в связи со спецификой предиката значение эксплицитности субъекта получает несколько другое измерение. Само употребление предикатов *видно, слышно (widać, słyszać)*, принадлежащих к первой серии «тернарной оппозиции смыслов» («воспринимать» — «восприниматься» — «использовать способность восприятия»), т. е. точное указание на перцепирующего субъекта, позволяет говорить, как нам кажется, о его эксплицитности.

Таким образом, семантическая основа ситуационных предложений образуется взаимодействием семантических компонентов субъекта восприятия, предиката восприятия и объекта восприятия, которые создают общую семантику «обнаружения или восприятия объекта субъектом как признак определенной ситуации».

При безличном предикате слышно (польск. *słyszać*) возможно выражение объекта восприятия формой «о + предложный падеж». Например, *Вовсе не слышно о казацком войске*, ср. польск. *nie o niej nie słyszać*.

Разновидностью ситуационных предложений является структуры, в которых предикаты, выраженные одинаковыми безлично-предикативными словами в переносном значении «общего обнаружения или проявления», близкого к значению «наличия, существования» (*слышно, видно, widać, słyszać*), становятся взаимозаменяемыми. В лексическом наполнении именного аккумулятива употребляются наименования, денотативно соотносящиеся с явлениями, которые не могут быть обнаружены только зрительно или на слух: это преимущественно отвлеченно-признаковые существительные, называющие

временные и другие понятия: *В этом году уже видно (слышно) победу, W tym roku już widać zwycięstwo (słysząc o zwycięstwie — при употреблении słyszać 'слышно' меняется управление).*

Квалификативными или характеризующими признаются предложения, выражающие восприятие, обнаружение (или необнаружение) определенных признаков, наличие или отсутствие которых характеризует лицо. Данные структуры образуются предикативами *видно, заметно, приметно*; польск. *widać*, употребленными в значении «обнаружения вообще», без конкретизации зрительного обнаружения.

Формально-грамматическое выражение лица — именная форма в косвенном падеже (*в нем, на нем, у него*; польск. *w nim, na nim, po nim*), лексическое наполнение которой решает о том, что характеристика лица касается его внешнего вида, черт характера или состояния. Например: *На нем давно не видно обновок*; ср. польск. *Dawno już na niej nie widać nic nowego*.

Безличные предложения, образованные с помощью анализируемых форм, употребленных в прямом или переносном значении, могут выступать как главная часть сложноподчиненного предложения с придаточным изъяснительным. В такой функции (в польской терминологии *predykaty wprowadzające*¹⁹ «вводящие предикаты») предикаты эти характеризуются способностью к образованию многих структурных вариантов как в русском, так и в польском языке. Например: *Мельник не унимался и продолжал сыпать во все стороны ругань. Видно было, что ворчанье и ругань составляли для него такую же привычку, как сосанье трубки (Чехов, V, На мельнице, с. 409). Видно было тоже, как был бледен Ильин и как он, сияясь улыбнуться, кривил верхнюю губу... (Чехов, V, Несчастье, с. 256); После некоторого молчания, когда слышно было только, как тикали часы и скрипело перо по бумаге, Чаликов вздохнул и сказал насмешливо, с негодованием: — Правда говорится: из благо-*

родства да из чинов шубы не сошьешь (Чехов, VIII, Бабые царство, с. 266) и др. Ср. польск. **Widać było, że** podpisywali się, owszem, fizycznie, ale jeszcze więcej moralnie. Na ich widok Ponimajew uśmiechnął się lekceważąco i z oburzeniem owinał się szgzelniej w szubę (Czechow, II, Liberał, s. 338–339). Ciężkie, niezdarne chmury oblepiły niebo; dmie zimny, przenikliwy wiatr i drzewa z żalonym jekiem chyłą się wszystkie w jedną stronę. **Widać, jak** w powietrzu po ziemi wirują żółte liście. Żrgnaj, lato! (Czechow, IV, Talent, s. 299). Kot, który spał obok niego, też wstaje, wypręża ogon, wygina grzbiet i mruży oczy. Cisz... **Słychać, jak** za tapetami chroboczą myszy (Czechow, V, W wigilię postu, s. 87).

Присутствие наблюдателя в семантической структуре анализируемых безличных предложений подтверждается и тем, что зрительное и слуховое восприятие положения дел выражается дейктически. Например: *Слышно было, как **наверху**, во втором этаже, с кем-то спорила Варя и как в детской стучала ножницами наемная швея* (Чехов, VIII, Учитель словесности, с. 321). ***Отсюда** слышно было, как в соседней столовой тили чай* (Чехов, VI, Володя, с. 201). Ср. польск. ***Nazar** dało się słyszeć skrzypienie podjeżdżających sań (tymczasem wypadł śnieżek), a po chwili na progu stanął Griszutkin: gość nieoczekiwany!* (Czechow, II, PERPETUUM MOBILE, s. 31); ***W rogu pokoju** łagodnym światłem płonęła lampka oliwna, meble miały wugład czyściutki odświeżony, całe wnętrze tchnęło ciepłem i wszędzie znać było kobiecą rękę, ale niestety urzędniczy nie było zimno i ni-*

eswojo, jakby miał początki tyfusu (Czechow, Wykrzyknik, III, s. 221); ***Pomiędzy** czerwonymi dachami domków letniskowych widać gdzie indziej ponuro powykrzywiane i porośnięte rudawym mchem dachy dworskich stajen, oranżerii i spichrzów* (Czechow, Gniazdo kułackie, III, s. 275).

Как показывает представленный краткий обзор безличных перцептивных предложений, степень проявления в них перцептора — различна. Безличные предложения с предикатами *widno, слышно // widać, słyhać*, т. е. соотносимыми со смыслом ‘воспринимать’ семантической парадигмы восприятия, экспонируют субъект восприятия, предопределяя его центральную позицию в перцептивном событии. В этом событии наблюдатель выступает как бы его «инициатором»: благодаря своим сенсорным «способностям» он обнаруживает какой-то предмет, ситуацию, явление. Степень проявления перцептора в таких предложениях, на наш взгляд, самая высокая.

В остальных предложениях — как в глагольных, так и в именных, предикаты соотносятся со смыслом ‘восприниматься’, т. е. второй серией глаголов «тернарной оппозиции смыслов». Перцептор в семантической структуре таких предложений тоже обязателен, но поверхностно он никак не выражен. Следовательно, на первый план выдвигается воспринимаемый объект, а перцептор занимает позицию на периферии перцептивного события, в котором «определенный предмет каким-то способом проявляет себя, и это доступно восприятию наблюдателя» [Двоякая интерпретация события по работе Ю. А. Пупынина — см. примеч. 14].

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Апресян Ю. Д. Избранные труды. Т. II. Интегральное описание языка и системная лексикография. М., 1995. С. 350.

² Пупынин Ю. А. Субъектность и актуализационные категории предиката // Теория функциональной грамматики. Субъектность. Объектность. Коммуникативная перспектива высказывания. Определенность/неопределенность. СПб., 1992. С. 148.

³ Сулейманова О. А. Проблемы русского синтаксиса: Семантика безличных предложений. М., 1999. С. 72, 76.

⁴ Павлов В. М. Противоречия семантической структуры безличных предложений в русском языке. СПб., 1998. С. 38.

⁵ Апресян Ю. Д. Цитир. изд. С. 355–356.

⁶ Бондаренко А. В. Теория значения в системе функциональной грамматики. На материале русского языка М., 2002. С. 273.

⁷ Несмотря на то, что наблюдаемость является одним из типов восприятия в рамках перцептивности, мы трактуем наблюдаемость широко, как это принято в литературе предмета, т. е. употребляем понятие *наблюдаемость*, следовательно, *наблюдатель*, как синонимы терминов *перцептор*, *перцептивность*.

⁸ Кравченко А. В. К проблеме наблюдателя как системообразующего фактора в языке // Известия АН. 1992. Т. 52. № 3. С. 50.

⁹ Апресян Ю. Д. Цитир. изд. С. 357.

¹⁰ Апресян Ю. Д. Там же. С. 359.

¹¹ Там же. С. 363.

¹² Pajdzińska A. Wrażenia zmysłowe jako podstawa metafor językowych // Etnolingwistyka. 1996. № 8. S. 34.

¹³ Падучева Е. В. Семантические исследования. Семантика времени и вида в русском языке. Семантика нарратива. М., 1996. С. 259–261.

¹⁴ Пупынин Ю. А. Субъектно-предикатно-объектные отношения (на материале безличных конструкций)ю. Л., 1991. С. 15, 9.

¹⁵ Пупынин Ю. А. Субъектность и актуализационные категории предиката // Теория функциональной грамматики. Субъектность. Объектность. Коммуникативная перспектива высказывания. Определенность/неопределенность. СПб., 1992. С. 153.

¹⁶ Рузин И. Г. Когнитивные стратегии именования: модусы перцепции (зрение, слух, осязание, обоняние, вкус) и их выражения в языке // Вопросы языкознания. 1994. № 6. С. 93.

¹⁷ Brajerski T. W sprawie polskiego imiesłowu biernego przysłówkowego // Poradnik Językowy. 1975. № 3. S. 119.

¹⁸ Арват Н. Н. Компонентный анализ семантической структуры простого предложения. Черновцы, 1976. С. 46

¹⁹ Wolińska O. Konstrukcje bezmianownikowe we współczesnej polszczyźnie // Prace Naukowe Uniwersytetu Śląskiego w Katowicach. № 254. Katowice, 1978. S. 48.

M. Luchyk

A TYPE OF PERCEPTIVE SENTENCES IN RUSSIAN AND POLISH

The analysis of the subject — predicate — object relationship within the semantic structure of impersonal sentences requires taking into account the perceiver. The meaning of this semantic component of impersonal sentences is particularly important because of the peculiarity of their structure — lack of the grammatical subject. The perceiver is an obligatory semantic component of sentences describing perception by sense (sight, hearing, smell, touch and taste), where his role consists in registering certain «perceptive events». The perceiver's position in them can be either central when he is the subject of perception or peripheral when the most important role is played by the phenomenon or object of perception. The article analyses sentences of the first of the presented types.